

Детство мое озерное

Детство остаётся с человеком, детство не проходит навсегда! Под этой сентенцией готовы подписаться, наверное, все, кто уже повзрослел. Ведь в детстве всё впервые, всё невероятно остро, всё всерьёз. Поэтому причины дня сегодняшнего мы нередко – и небезосновательно! - ищем в дне далёком, детском.

И находим! Журналист Надежда Зайцева, которую все зовут почему-то Настей, не выдержала напора своего детства и решила нам о нём рассказать. Откровенно.

...У меня были легкие соломенные волосы – «в папу». Мама говорила, что они висят, «как сосульки», а мне очень хотелось косы. Когда меня в очередной раз обкорнали «под горшок», я безудержно рыдала, потому что воображала себя с длинной косой и ярким бантом, а мечту взяли и состригли...

Потом это повторилось не один раз. Однажды я узнала, что белую плюшевую шапку -такую красивую!- купили не мне, а в подарок соседской девочке, к которой родители были приглашены на день рождения. Позже мне купили такую же, только тёмно-синюю, «не маркую», а та была белоснежная и блестящая, как снежинки на солнце...

Я очень боялась Сережку Гаврилова, потому что когда мы играли во дворе, в самый неподходящий момент он вдруг падал и начинал биться в припадке эпилепсии. Мама говорила, что он таким родился и что он не жилец. От этих слов меня обдавало страхом чего-то непостижимого и неотвратимого, перед чем человек - как букашка, которую можно нечаянно раздавить. И долго разглядывала мокрый след от червяка, на которого наступила.

Чуть позже в категорию «не жильцов» чуть было не попала сама, заболев тяжелой и редкой болезнью под странным названием «Шенлейн-Геноха». Детский врач Полина Дмитриевна сказала, что в её практике это второй раз. А когда в Тайшетскую районную больницу, где я надолго прописалась, приехала комиссия из Иркутска, Полина Дмитриевна, проходя мимо моей кровати, приостановилась и представила гостям меня: «Это очень интересный случай». Я так страдаю, ненавижу тихий час, постельный режим, у меня нет вен и потому исклоты все щиколотки, а я всего лишь «интересный случай»? Вот интересно-о-о!

Я открываю глаза посреди ночи, отойдя от морфина, который врачи прописали мне, не зная, чем укротить нестерпимую боль в животе. Темно и страшно, как будто я один на один перед бездной. «Мама!» Она вскакивает с соседней кровати и склоняется надо мной...

Меня спасла донор Надежда Сергеевна. Когда мне перелили её кровь, я перестала кричать от боли. Образ этой женщины я помню до сих пор – смуглая, крепкая, черноволосая, в белоснежном халате и в вишнёвой помаде губами. Она потом долго интересовалась, как поживает её тёзка.

У тёзки пошли осложнения, и с озёрной больницей расстаться не пришлось. Три барака – хирургия, детское отделение и терапия - располагались через забор от тюрьмы, где по углам на вышках стояли часовые с оружием. Нарушая постельный режим, мы сновали среди бараков, изучая окрестности. Самым интригующим было хирургическое отделение. Там людей резали и зашивали, и сестры часто носили в отделение коричневые кислородные подушки. Если кто-то «лежит на кислороде», значит, совсем плохо. Однажды к хирургии подъехал грязный грузовик, у него откинули борт, и я увидела жуткую картину: там, как брёвна, лежали окровавленные большие мужчины. Говорили, что они разбились на машине.

Когда в детском отделении дежурила Вера Сергеевна, было легко и дружелюбно, подучив английский, я помогала ей раскладывать лекарства по ячейкам с фамилиями больных.

Когда Татьяна Федоровна заступала в ночь, над отделением зависало напряжение. Суровая неумолимая фронтовичка с прокуренным голосом и тёмно-карими глазами, она укладывала чёрную с сединой косу вокруг головы, как для имиджу Юлия Тимошенко, покрывала её белой косынкой с крестиком на лбу, и казалось, была готова выйти на поле боя под пулями за ранеными. Однажды вечером ко мне в больницу приехал отец с

банкой первой клубники. Он еле держался на ногах, но отцовское внимание больной дочери решил уделить. Татьяна Федоровна стала громко выставлять его за дверь, я, сгорая от стыда и обиды, ушла в долгую истерику. Татьяна Федоровна сочувствия мне не выказала и продолжала жёстко изобличать отца в пьянстве. Я, не зная, как защититься, сказала, что она перепутала, это не мой отец, а какой-то дядя, с которым отец передал мне клубнику...

...Я лежу в палате, койка моя в углу. Перед глазами зеленая крашеная стена, белое больничное бельё с инвентарным номером в углу пододеяльника. Тихий час. Чтобы как-то изменить унылый пейзаж, высовываю из-под одеяла ногу. Рассматриваю. Это моя нога. Интересно, я на неё смотрю и вижу, что это именно моя нога, хотя она так похожа на ноги других людей. Мы все похожи, а почему у нас всё так по-разному?

...Бабушка и мать лежат с ребенком по очереди. Они не из района, не тайшетские, и бабушка - женщина явно не здешняя, а столичная и богемная. Она много курит, всё время глотает таблетки и запоем читает. Во мне видит пристойного собеседника и слушателя. И борца - отчаянного борца с недугом, который раньше времени сделал провинциальную девчонку взрослой и умудрённой. Теперь я понимаю, почему, когда поступила на журналистику, юношеские понты, которые страстно демонстрировали однокурсники, для меня были безмерно скучны и бессмысленны.

Эта женщина была сослана в наши края как член семьи врага народа. Тайшет – место Озерлага, и та тюрьма, которая была через забор от больницы, к нему относилась.

...Я сидела за одной партой с сыном врага народа. Врагом народа был врач-невропатолог Бачинский, которого осудила «тройка» и отправила из Львова в Озерлаг, а следом за ним выслала жену и новорождённую дочку. Юрка родился уже здесь, в Тайшете, когда отца выпустили. У нас был детский роман. Мы обменивались книжками, и как-то он принес мне «Роман-газету» с «Повестью о пережитом» Бориса Дьякова. Её героями были Юркин отец, который и в лагере продолжал свои медицинские исследования, а после освобождения почти сразу умер от скоротечного диабета, наш учитель пения Михаил Дмитриевич Лисовский и другие. Юлия Борисовна, с которой я занималась балетом в интернате, где работала мама и куда водила меня с собой, чтобы присматривать за падающим в обмороки ребенком, тоже, оказывается, была из «этих» и из Питера. В «Повести о пережитом» меня больше всего потрясла история про медсестру, которая, когда разобралась, что за люди перед ней и почему они в лагере, не выдержала и покончила с собой...

Отец мой работал в воинской части, которая относилась к внутренним войскам и занималась охраной Озерлага. Он попал сюда, оставшись на сверхсрочную службу после войны. Работал в гараже. А поначалу, вернувшись с восточного фронта, ездил по военным частям с кинопередвижкой. Фильмы «Волга-Волга», «Весёлые ребята», «Цирк», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Беспокойное хозяйство»,

«Верные друзья», «Первая перчатка» и другие он знал наизусть, но всякий раз, когда их показывали, смотрел от начала до конца и смеялся, как ребенок, словно видел впервые. На вечеринках всегда пел песни из любимых кинофильмов: «Милый друг, наконец-то мы вместе...», «На тот большак», и самую любимую - «Раскинулось море широко...» Он сам был человеком широкой натуры. Когда завёл пасеку, мама всё время ругалась: вместо того, чтобы «делать бизнес», он бесплатно раздавал мёд. И так же безвозмездно ремонтировал машины. В этом деле он был непревзойденный мастер.

Отец взял меня на концерт в воинскую часть. Я впервые слушала солдатский хор и была потрясена звучанием мужских голосов. Потом показывали – о чудо - цирковые номера, а потом - кино! Однажды отец привез кинофильм домой, установил кинопроектор, натянул простынь и мы - дома! - смотрели кино. Ещё у нас в доме, благодаря отцу, к постоянно жившим котам, собакам, курам, свиньям и рыбкам всё время прибавлялось ещё какое-нибудь зверье. То черепаха топала по ночам, то ежик щёлкал иголками. Привезённый из леса заяц был посажен в клетку к кроликам. Те нового жильца не приняли и порвали. Видя, как он забился в угол, прикрыв лапой оголившиеся кишки, я заливалась слезами от ужаса и жалости, совала в клетку свежую траву, но зверёк не реагировал. Моя добрая бабуля, которую я звала Варенька, с пониманием дела захоронила серого в углу огорода. Туда же пристроила отравленного соседями кота, а я стала бояться ходить в густой малинник, который начинался с того самого угла.

...Отец устраивал нам фотосессии с японским трофейным фотоаппаратом на треноге, мы ждали, когда

«вылетит птичка». Потом закрывался в «лаборатории», где проявлял плёнки, и, чтобы лампа давала красный цвет, использовал чей-нибудь пионерский галстук. Позже фотоделом занялся старший брат.

Помню, как однажды с «воспитательной целью» отец порол офицерским ремнём моих старших братьев. Не знаю, что они там натворили, но, помню, Сашка, как молодоговардеец, выносил порку молча, зажав зубы и отскакивая от ремня. Меня поразили мама и бабушка, они всем своим видом давали понять, что «так положено». А отец оставил впечатление человека, который совсем этого не хотел, но должен был показать мальчишкам «жёсткую руку». Всё же пытаюсь сбросить с себя груз полученных впечатлений, мама и бабушка долго потом рассказывали, кто как кого порол у них в деревне. И за что.

Сашка и Толька ходили в музыкалку, учились играть на баяне. У Тольки это получалось особенно хорошо. На домашних застольях они по очереди музицировали, Толька пел, и однажды исполнил песню Зыкиной «Мама, милая мама, как тебя я люблю»... Подвыпившая мама роняла умильную слезу, и я, увидев душераздирающую картину, залезла под стул, чтобы спрятать брызнувшие ручьем потоки...

Мальчишки ездили на рыбалку на двойном велосипеде собственного изготовления, сварив из двух велосипедных рам одну. Сашка много читал, ночи напролет, помню, как по-взрослому у печки он говорил о «Тихом Доне» и о том, что мне пока рано знать, почему утопилась Евдокия.

Иногда отец возвращался выпимши, бодро заявлял: «Заяц сегодня под мухой!» и начинал что-нибудь делать по хозяйству. Иногда, как говорила мама, он лыка не вязал или был «пьяный в дым», тогда и в доме был «дым коромыслом». В порыве разборок мама как-то открыла нам «страшную тайну», что отец, оказывается, до неё был женат и что у него есть сын. Простить этого мама ему так и не смогла, потому что когда они женились, отец не сказал ей об этом, она узнала позже. Наверное, поэтому у нас никогда дома не было нормальных семейных праздников, во всяком случае, я их не любила и боялась, потому что стоило сесть за стол и выпить рюмку-две, как начинался разбор полетов, и звучала папина коронная фраза «Эх, Зоя, ну какая же ты!»

Для меня эти шукшинские страсти с бурными разладами, а потом примирениями за бутылкой были нестерпимыми. Я дала себе слово, что такого в моей жизни никогда не будет! Уходила в свою комнату и там погружалась в мир любимых книжек, пластинок, журналов «Советский экран», «Спутник кинозрителя» и «Искусство кино».

...Кино стало моей страстью. Кинотеатр имени Ф.Дзержинского, который потом благополучно сгорел, был для меня священным местом. До сих пор помню его запах и прохладу в летний знойный сезон. Фильмы, с которыми не хотелось расставаться, слушала на десятый раз, стоя за дверьми, через которые, открывая длинный железный крючок, после сеанса выпускали зрителей. «Ромео и Джульетта» Франко Дзеффирелли, «Солярис» Андрея Тарковского, «Щит и меч», «Служили два товарища» с Янковским, «Еще раз про любовь», фильмы Сергея Герасимова «Любить человека», «У озера»,

позже - «Красное и черное». Жюльен Сорель Николая Ерёмченко свёл меня с ума. Можно понять госпожу де Реналь в исполнении Бондарчук, которая умерла от любви, когда казнили Сореля. Солнечный Жерар Филипп, потрясающая Джина Лоллобриджида в «Соборе Парижской Богородицы»... Отыскав всё, что можно было найти в Тайшете про Ж.Филиппа, я узнала, что он сыграл художника Амедео Модильяни. Репродукции Модильяни из журнала «Огонёк» я откапывала в кучах макулатуры, которую собирали мамы ученики. Откопала и единственную в городе книжку К.Виленкина о Модильяни. История художника и Жанны Эбютерн потрясла детское воображение. Когда Модии умер, Жанна в ту же минуту выбросилась из окна. В Париже, попав на кладбище Пер-Лашез, я просила проводить меня к могиле художника. Дело было перед закрытием, и Ален Бросса, удивляясь моему истовому желанию, предложил тогда уж и заночевать на кладбище... В этот момент мы нашли: вот они, две плиты и надписи «Амедео Модильяни» и «Жанна Эбютерн». «Портрет девушки» Модильяни, маленькая репродукция на плохой журнальной бумаге, висел над моим школьным столом.

Всё, что я читала в этот период, было связано с кино. Я узнала, что Жанна Болотова ко вступительным экзаменам во ВГИК подготовила отрывок из «Над пропастью во ржи» Селенджера, нашла единственную в городской библиотеке книжку - чёрную с обтёртыми краями - и прочла. Так же я знакомилась с классической музыкой - Шопен, Бетховен, Бах, Чайковский... Пластины выписывала из Апрельской базы Посылторга наложенным платежом, так же, как и наборы фотографий артистов кино. Какой это был праздник - получать посылки, выслушав от мамы всё, что она про меня думает, прежде чем даст денег на наложенный платёж! Буклет о фильме «Бег» с Людмилой Савельевой на обложке, купленный на сдачу от покупок в магазине, дважды в сердцах швырялся в дальний угол, что не помешало мне с жадностью и интересом его прочитать.

Я мечтала учиться во ВГИКе непременно у Сергея Герасимова, как Николай Ерёмченко, Наталья Бондарчук, Наталья Белохвостикова. Кумиром моим стала Лариса Шепитько, ученица Михаила Ромма... Когда я проходила стажировку в Институте повышения квалификации работников радио и телевидения Гостелерадио СССР на курсе «ведущие прямого эфира», специально съездила во ВГИК, осторожно вошла, постояла, подышала его воздухом...

Ходила на лекции Сергея Сергеевича Аверинцева в МГУ. Слушала, конспектировала. То, что казалось всегда таким далеким и несбыточным, было естественным и доступным. Такое же чувство я испытывала, сидя на музыкальном факультете Сорбонны, куда нас пригласили на премьеру симфонии.

...Тогда в Тайшете Москва, ВГИК казались очень далёкими и недостижимыми. По настоянию врачей мама отвезла меня в Иркутск на обследование в Детскую областную больницу. Там первым делом велели вырезать хотя бы гланды и стали назначать операцию. Мама, недолго думая, увезла меня обратно. Дома она всем увлечённо рассказывала, как будто роль в кино играла, что врачи ей про меня сказали: «Везите её хоть в Москву, хоть за Москву, это не поможет». Мне казалось, что ей нравится исключительность моей ситуации, и она выразительно откровенничала, что мне практически ничего нельзя есть, даже мёд только после того, как он будет растоплен на водяной бане. Тут же рецепт исполнялся, меня заставляли всё это употреблять, после чего о рекомендациях врача мама, к счастью, забывала. В больничной тумбочке у меня всегда стоял медвежий жир, потому что кому-то он помог. Превозмогая себя, я пила эту прозрачную маслянистую жидкость с особым вкусом, который долго стоял во рту. Однажды нас переселяли из палаты в палату, и, открыв свою тумбочку, я обнаружила кулёк с конфетами, и с какими! «Мишка на Севере», «Красная Шапочка» - самые любимые лакомства, которые, из соображений безопасности, есть запрещалось. Я спросила, чьи конфеты, мне сказали, что это мои, их кто-то принёс. Не веря своему счастью, я набросилась на содержимое кулька, наслаждаясь волшебным хрустом вафель и нежным шоколадом, заставившим забыть неистребимый вкус медвежьего жира...

Через несколько мгновений счастью моему пришел конец. Кто-то полез в свою тумбочку и вспомнил, что накануне ему привезли из деревни кулек с «дорогими конфетами». Пришлось вернуть собственность её законному владельцу, понесённые потери мне великодушно простили.

В перерывах между больницами я увлечённо чем-нибудь занималась. Поначалу хотела стать врачом и создавала свою детскую больницу, в которой, надо сказать, все было по-правдишному. Но однажды, сделав «обход своим пациентам», я, воображая себя законченным Айболитом, решила перевести большого и с виду здорового пупса «с диагнозом воспаление легких», в «теплое крыло», чтобы избежать осложнений. Этого сделать не удалось, потому что, плотно прислонив пластмассовую куклу к раскалённой печке, я устроила такую зловонную «дымовушку» на всю квартиру, что вся моя «клиника» со шприцами, мензурками, пипетками и прочим была немедленно прикрыта за злостное нарушение норм пожарной безопасности.

В этот период я воспитывала в себе волю. Обнаружив, что безумно боюсь высоты, отправлялась к виадуку, на котором доски были положены с километровыми щелями, и давала себе задание пройти туда-сюда несколько раз. Первый лестничный пролет шла спокойно, на втором становилось страшно, а когда ступала на сам виадук, леденело все внутри. Шла на деревянных ногах, расставляя их, чтобы ступни, не дай бог, не совпадали со щелями, тем не менее, глядя сквозь них на движущиеся внизу поезда. Когда, наконец, возвращалась на землю, хотелось от счастья взмыть в высоту.

...К медицине я охладела. Надоела она мне в районной больнице с тюремным пейзажем из окон и страшилками: того нельзя, а этого в жизни никогда не будет. Наперекор всему, в период обострения я вырывалась с боем на «Зарницу». Моя воинственная мама сидела на табурете посреди кухни, устало махала рукой: делай, что хочешь... А я лазила по сугробам, мерзла в «окопах» (это с почками-то!), но видимо, Господь меня хранил. Однажды к какому-то празднику взялась выпускать стенгазету. Назвала ее «Наши маяки», буквы для заголовка вырезала из бархатной зеленой бумаги, но когда перевернула их на лицевую сторону, оказалось, что у «я» «хвостик» ушёл не туда. Бумаги больше не было, поэтому так и наклеила на ватман, в «маяки» записала себя, чем вызвала резкую критику старшего брата Тольки. Я информировала школьную общественность, кто в нашем классе кем хочет быть, и про себя сообщила в третьем лице, что собираюсь стать геологом или археологом. Почему я это написала, до сих пор не пойму: в школе занималась хореографией и танцевала «Топотушки», играла во всех спектаклях, сама шила себе костюмы и конструировала шляпы с полями: для Марьи Антоновны из «Ревизора» голубой, а для Нины Арбениной из

«Маскарада» Лермонтова - розовый. Из медицинской марли с золотинками из-под шоколадных конфет соорудила костюм Осени, разумеется, с короной. Сохранилась фотография, где рядом со мной стоит Серёжка Ермолович в роли Огурца, который в форме шапки надет ему на голову. Мама, глядя, как увлечённо я справляюсь с ролью стилиста и кутюрье, говорила: «Вся в отца». Я пела и солировала в школьном хоре, даже ездила записываться на телевидение. В моём репертуаре была грустная песня про «скворушку», который улетал на зимовку и прощался до весны. После репетиций я плакала, искренне жалея птичку. Потом были «Золушка» и другие высокоголосные песни. И конечно, хоровые, патриотические: «Эту песню не задушишь, не убьёшь!», «Звезды в небе застыли, и фашисты схватили Зою, отважную Зою!..» Светлые образы негибимых Космодемьянской, генерала Карбышева и молодогвардейцев навсегда вошли в плоть и кровь, породив в особо искренних душах труднопреодолимые черты прямолинейности и безапелляционности.

Первое предательство воспринималось очень остро. В третьем классе мы получили тетрадки с контрольными работами. Увидев свою оценку и оценку соседки по парте, я сочла, что со мной поступили несправедливо, о чём немедленно написала записку своей подруге Наташке Ильиной, добавив, конечно, решительную оценку действиям Людмилы Павловны с «ЦЕплячими мозгами». Это странное словосочетание произнесла накануне сама Людмила Павловна, но, как потом выяснилось, она имела в виду ЦЫплячьи мозги моего одноклассника, а же, слыша эту фразу, представила себе совсем другое: ЦЕплячие мозги, которые как-то не так в голове друг за друга ЦЕпляются. Записка с мозгами Людмилы Павловны подружкой Наташкой была немедленно передана героине повествования, и вот уже я - не то с цыплячьими, не то с цеплячими мозгами - стояла перед всем классом, избалованная, преданная и не знавшая, куда деваться. В классе со мной потом долго никто не разговаривал. И это был первый большой опыт, когда я носила в душе неизбывную печаль, не имея возможности поделиться ни с кем, тем более с мамой, тоже, как и Людмила Павловна Морева, учительницей начальных классов.

А ещё я писала сценарии школьных вечеров и мероприятий, на которых была ведущей. Обложившись немислимым числом поэтических книг, среди которых почётное место занимали произведения Межирова, Дементьева, Кирсанова и почему-то Дестанки Максимович, делала «монтажи» и раздавала их по ролям, учитывая индивидуальные особенности выступавших. Иногда исполнители не принимали свои индивидуальные особенности и требовали от меня другие. Когда садилась за сочинение, всегда захватывало дух от простора, в который попадала: я ведь не знала, как, что и в какой последовательности сейчас напишу. Учителя меня критиковали, говорили, что стиль у меня, как у Льва Толстого: начинаю предложение на одной странице, а заканчиваю на другой. Коротко не получалось. Хотелось сказать всё!

Однажды на каникулах, воспитывая в себе усидчивость и волю, я взяла и выучила весь учебник физики. Дэле Ивановне, нашей «физичке», быстро надоело, что я всё знаю, - она любила избаловать и публично пороть оболтусов. Она прекратила меня спрашивать, а перед выпускными, сказала, чтобы я выучила только один билет для экзамена и сказала ей - какой.

...В десятом классе меня стали спрашивать, куда буду поступать. Отвечала: «На журналистику», получая в ответ, что туда мне и дорога. А вот почему я так решила - не знаю. Может, поездка с родственниками от Красноярска до Кызыла повлияла?

Муж папиной сестры тётки Маши работал собкором Всесоюзного радио, был всё знающим, всё видевшим и особенным. В его распоряжении был «Газик», магнитофон с микрофоном и Москва, в которую он постоянно звонил, что-то сообщая и выясняя. Однажды на этом газике они приехали к нам в гости, и тетя Маша уговорила маму отпустить меня в дяди Сашину командировку. Когда мы подъезжали к Кызылу, началась сильная гроза. С горы город открывался перед нами, как большая чаша, которая наливалась ярким светом от молнии. Захватывало дух от простора, опасности и яркого света, в который нам предстояло погрузиться. Как на студии, когда врубают софиты перед тем, как пойти в прямой эфир.

Автор: Надежда Зайцева © Babr24.com IT'S MY LIFE..., ИРКУТСК 👁 9188 04.09.2008, 12:52 🔄 480

URL: <https://babr24.com/?ADE=47339> Bytes: 22548 / 22537 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ИРКУТСКИЕ КУЛУАРЫ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

*Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com*

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)